

Лилия Ишуткина

Из «Книги о моем имени»

Е.М. Голубовскому

Имена от народа

1. Ли́ла (Полтавщина)

...С детства и до взрослых лет я любила приезжать на каникулы и в отпуск в небольшое село Крюково на Полтавщине: там жила тетушка с дочерьми, двоюродными моими сестрами. Именно там меня впервые назвали Лилой с твердым «л» в последнем слоге... Не знаю, было ли это особенностью местного говора или единичным языковым пристрастием женщины, ранее других так меня окрестившей, а потом продолжавшей так меня именовать, будучи уже моей свекровушкой, и вплоть до самой своей смерти. Ли́ла так Ли́ла! Мне не нравилось, но нравилось ей, а она нравилась мне, значит, так тому и быть...

Исключая твердость произношения моего имени, я никогда и нигде, кроме как здесь, не слыхала более певучей и ласковой украинской речи. Ею в совершенстве владела моя милая Надія Яковна, за сына которой я с удовольствием вышла замуж в положенный судьбой срок. От нее же во мне любовь и к грустным, и к веселым украинским народным песням, которые она прекрасно пела без всякого музыкального сопровождения. Печальные песни были протяжны, как поля у деревни и во все стороны от нее. А от веселых хотелось махнуть рукой на свой городской лоск, топнуть ногой по родной земле, гикнуть, как древние амазонки-пращурки, и закружиться в плясе, пугая нынешнее хрупкое мужское племя!

Чувства юмора моей свекрови было не занимать. Я помню, как она в веселии уронила себя в колючий куст маслины, увидев меня, девицу, верхом на лошади, отданной мне во временное летнее пользование дядюшкой, большим по тем временам местным начальником. Но не засмеяться было бы грешно, ибо брючного костюма девы тогда не знали, а тот, что красовался на мне, состоял из берета брата, рубашки отца и летних брюк дяди, высокого и сильного от Бога человека, а потому ширинка его брючищ заканчивалась у меня прямо под мышками...

По-настоящему смирилась я с народным украинским вариантом своего имени, лишь прочитав стихотворение А.С. Пушкина, после Лицея влюбившегося в мою тезку:

Лиля! Лиля! Я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой.
Но любовь моя напрасна!
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лиля! Ты прекрасна
И бесчувственной красой.

Естественно, приезжая до замужества сюда, в Крюково, я жила в дядином доме и – наслаждалась жизнью! Никто и никогда не стеснял моей свободы, и в компании с огромным псом, данным мне в сторожа на всякий случай, я исходила, а потом изъездила верхом всю степную округу с ее хуторами и колхозами.

Был у меня в детстве любимый тополь под окном, в ветвях которого на приличном расстоянии от земли я соорудила шалаш. Мне нравилось, выбравшись на исходе ночи через окно наружу, когда домашние и мир вокруг еще спали, ждать солнца в этом своем птичьем жилище. А солнечный закат я наблюдала с противоположного торца дома, с крыши сарая, прилепившегося к нему. В жаркий летний день земля нагревалась до зыбкого марева над собой, и я видела, как струились в нем вдали стены сказочного Воздвиженского монастыря на высокой горе в Полтаве. Тогда он был разрушен изнутри, но внешне совсем

целым волшебным образом смотрелся с крыши дядиного сарая... Минет много лет. Уйдет в небытие, оставив по себе добрую память, целое поколение любимых мною людей. И сама я, уже постарев, вдруг найду в одном из журналов прекрасный акварельный рисунок Т.Г. Шевченко: «Воздвиженский монастырь в Полтаве» (1845). Я всмотрюсь в рисунок и прочту под ним, что в далеком 1650 г. этот чудный архитектурный ансамбль в стиле украинского барокко был построен сподвижником Богдана Хмельницкого полтавским полковником Мартыном Пушкарем (ум. 1658). А Тарас Шевченко по заданию Киевской археологической комиссии, будучи художником при ней, зарисует этот монастырь, как многие другие великолепные архитектурные и археологические памятники Украины, чтобы они были описаны, а затем записи и рисунки должны были быть опубликованы для всеобщего ознакомления с ними. Я и ознакомилась: рисунок чудесен, поэт-художник гениален, а мне повезло: и посмотрела, и прочла, и вспомнила!

Жаль, но мне не довелось побывать в храме восстановленного ныне Воздвиженского монастыря в Полтаве. Да и вряд ли это теперь возможно! Но у нас в Одессе на Соборной площади заново отстроен некогда разрушенный Спасо-Преображенский собор. Я написала об этом соборе с чувством, вынесенным из того давно ушедшего времени, когда люди села Крюково, что рядом с монастырской горой в Полтаве, называли меня по-местному: Лилой!

Сверкает крест над куполом собора,
Стрелю колоколя вознеслась.
В фонтан из дорогого лабрадора
Вода струями шумными лилась.
В глубинах храма – тишина благая!
Мерцают лики моленых икон.
Христовы тела нагота святая –
И вдруг могучий колокольный звон!
Жаль, редко прихожу сюда молиться;
Соборный сумрак в трепете лампад;
Пред Божьей матерью мне надобно виниться:

Я из Ее заблудших, грешных чад...
Не знаю! Может быть, кому-то это странно:
Уйдя из дома, ощутить в пути,
Что только здесь ему судьбой возданно
Покой души в молитве обрести.

2. Пятровна (Черниговщина)

Из-за близких государственных границ Черниговщина, родина моего отца, стала тем географическим пространством, где в говоре людей, там обитающих, смешались три языковые стили: русская, украинская и белорусская. В итоге образовался сугубо местный язык, к которому, особенно в быстром его варианте, нелегко приспособиться пришлому человеку. Я убедилась в этом, профессионально вслушиваясь в речь родных мне людей из села Машево Семеновского района. Однако при необходимости, например, в беседе со мной, все свободно переходило если не на литературный, то на вполне грамотный русский или украинский языки. Мне нравилось их двуязычие: чем больше языков знает человек, тем лучше. Важно лишь не противопоставлять один язык другому, а сопоставлять их...

Непривычным, даже несколько панибратским показалось мне обращение земляков и землячек друг к другу. Парней и девушек кликали уменьшительно: Ванька – Манька – Сашка – Клашка. Взрослых же величали по отчеству: Алексеевич – Алексеевна. Меня тоже окрестили Пятровной с яканьем под влиянием говора Средней полосы соседней России. Пятровна – знак признания меня своей. Я не возражала.

Кроме говора меня поразил машевский лес. До приезда сюда (так сложилась жизнь) я видела лес только в произведениях живописи и графики: нет, грешу, еще в кинематографе. Вообще же я всегда ощущаю себя человеком моря, степи и воздуха. Мне случалось плавать далеко, много бродить по полям и часто летать, разумеется, с помощью «Аэрофлота». И, честно говоря, мне всегда бывало неуютно в скученности городских

строений, особенно при виде высоток: те крали у меня горизонт и небо... Над настоящей пустыней я только пролетала, а вот в горах мне побывать не удалось. До сих пор меня мучает любопытство: что ощущает тот, кто стоит на самом пике покоренной им громадины?!

Таким образом, лишь свежий морской бриз, степной воздух, пахнувший травами, и «ветр – гонитель облаков», как сказал поэт, украшали мою жизнь в лучшие ее мгновения...

Машевский лес, настоящий и незнакомый, начинался сразу за хатой дяди, лесника по должности. Как только мы прибыли сюда, к дядюшке, как только все пообнимались, приветствуя друг друга, и началась кухонная праздничная суета, я тихонько двинулась в лес, прихватив на веранде туесок для ягод и грибов.

Я вступила в лес, как в неведомую страну. Я все шла и шла, будто бы прямо, касаясь руками мохнатых ветвей. И мягкая хвоя под ногами глушила звук моих шагов. А потом я вдруг остановилась, потому что испугалась:

Могучий лес объял со всех сторон,
Стою среди елей под шатром из хвои.
Не слышу милых городских ворон,
И эта чужеродность беспокоит...

Меня пугают лес и тишина,
Не вижу неба, облаков не вижу.
Привычных книг я тоже лишена:
Одессы нет, нет греков и Парижа.

Не знаю я, куда теперь идти,
Кто в этой глухомани мне поможет.
И мысль о том, что не найду пути,
Терзает мозг и сердце гложет.

Но вдруг раздался голос вдалеке:
«Пятровна-а!» – этот голос чуден.
И туесок отбросив, налегке,
Я мчусь туда, где ходят люди...

Было немыслимым счастьем увидеть просторное небо в багровом закате и под ним родную тетю, так хорошо, так чудесно меня зовущую: «Пятровна-а-а!».

3. Писательница (Одесщина)

В середине «лихих 90-х», как принято теперь их называть, у меня, пенсионерки, не было работы, тяжело захворала мать, подопечный внук дорос лишь до шестого школьного класса, и у нас абсолютно не стало денег. Никаких!

Сколько себя помню, я боялась голода, ибо, как все дети войны, знала его. Потому я с тупой одержимостью мыкалась по городу в поисках любой работы – и не находила ее. Однажды у книжного лотка рядом с почтамтом я встретила коллегу и коллежанку (прости, русский язык!) из преподавательского прошлого: теперь они держали книжный бизнес и торговали канцтоварами. Я привела их домой. Они все увидели и тут же придумали мне редакторскую должность под своим крылом. Голод отступил, и до сих пор я с благодарностью повторяю: да не оскудеет рука дающего!

Но я понимала, что людская доброта не безгранична, что в стране завертелась опасная политическая карусель, и никто не ведает, каким будет его завтра, да и наступит ли оно вообще... Полагаться следовало только на самое себя!

Всем нутром своим я чуяла: если не раздобыть денег и не распорядиться ими так, чтобы они кормили нас при любом повороте жизни, мы не выживем. Решением этой тройной задачи – добыть, вложить и выжить – я занималась круглые сутки: днем, правя чужие рукописи, и ночью, лежа в бессоннице.

Наконец я жестко сказала себе: да, воровать я не умею, грабить – тем более; да, заработанное сразу же проедается; да, продавать уже нечего; да, старых дам на содержание не берут! Оставалось последнее: торг собственными профессиональными знаниями. Но! Возвращение в преподавание исключалось из-за моей пенсионности. Испробованное репетиторство показалось мне скучным, так как оно почти не требовало библиотечного труда, нужного мозгу, а кабинетная тишь индивидуального

обучения лишь усиливала тоску по утерянному раю: общению с большой студенческой аудиторией. И я стала думать, не податься ли мне в «литературные негры». Но писать не статьи для бездельников, тупиц и карьеристов, а делать диссертации для тех из них, кто хорошо заплатил бы за качественную, корректную в научном смысле мою работу...

Я нашла посредника, получила заказчиков и за два года, не уходя из редакторов и от решения семейных проблем, написала три диссертации по филологии, впоследствии (я проследила за этим) защищенные в Харькове, Кишиневе и Санкт-Петербурге. За них мне заплатили, как должно...

Не скажу, что в какой-то из мигнов мне не захотелось грохнуть все на шляпки, сумочки и прочий дамский аксессуар, делающий женщину женщиной даже при ворохе прожитых лет за плечами. Но самоирония и чувство долга уберегли от искуса, и я купила в пригороде дом с куском земли в придачу. По правде говоря, это была просто старенькая хата с огородом. Но я полагала, что на остаток денег отстрою ее, а собственноручное натуральное хозяйство спасет нас с матушкой и внуком от голода при любом раскладе обстоятельств. Ничего из этого не вышло! Но никогда, никогда не пожалела я об этой своей покупке! Именно здесь, в ставшем родном нам доме, я начала писать книги для себя, и их напечатали другие для всех. Но еще до того, как это случилось, односельчане, как-то сразу все уразумевшие, стали называть меня Писательницей. Только так, и не иначе! Я очень этим прозвищем гордилась...

...Мне навсегда запомнилось, как я впервые очутилась в здешних местах. В случайном разговоре мне предложили взглянуть на некий дом вблизи Одессы, который продавался сравнительно дешево: по старости и из-за склок наследников, которые никак не могли его поделить. Дом, униженный, обветшавший и заколоченный, давно стал в селе притчей во языцех. Людям искренне хотелось, чтобы у дома появились хозяева.

Выйдя из автобуса в центре села, я шла к дому по длинной грунтовой дороге, через дамбу, мимо ставка справа от меня и холмами в деревьях – слева. Теплый октябрьский день был на исходе. Пахло удивительно вкусно – прелой листвой, костром

и навозом. Подойдя к дому, стоявшему на выезде из села, я мгновенно зачаровалась его одиночеством среди огромного двора в густой траве, с грушевой рощицей и проблесками ставка в камышах за огородом... Дачников тогда здесь еще не водилось, и соседи быстренько свели меня с наследниками, с которыми я тут же договорилась. Вскоре я купила этот дом для внука, и мы сразу же начали его чинить...

Много всякого было пережито в нашем милом старом деревенском доме: надежд и разочарований, радостей и печалей. А мне тут очень славно писалось! В год, когда опубликовали первую мою книгу, умерла матушка, и закрылось кормившее нас издательство. Но старший внук, студент, уже работал, а я что-то получала за свое писательство. Дочь родила нам второго сына, и в старом доме появился малыш... Попрощаться с домом я хочу словами, ему посвященными:

Я здесь пишу не торопясь,
Не ощущая жара лета,
И с благодарностью крестясь,
Я небу кланяюсь за это.
Мой старый дом упрятан в сад,
Он в вишнях и в кустах сирени.
По стенам вьется виноград,
Трава щекочет мне колени.
За огородом – блеск воды:
Там ночью плещутся русалки...
И шорохи на все лады,
И скрип покинутой качалки,
И стих Ахматовой! Он вдруг
Ночную птицей обернулся;
Произнесенный мною вслух,
Прочь улетел – и не вернулся!
Но одинока ль я? Ведь тут
И дети, и Одесса рядом,
И бесконечный книжный труд:
Мне счастья большего не надо!